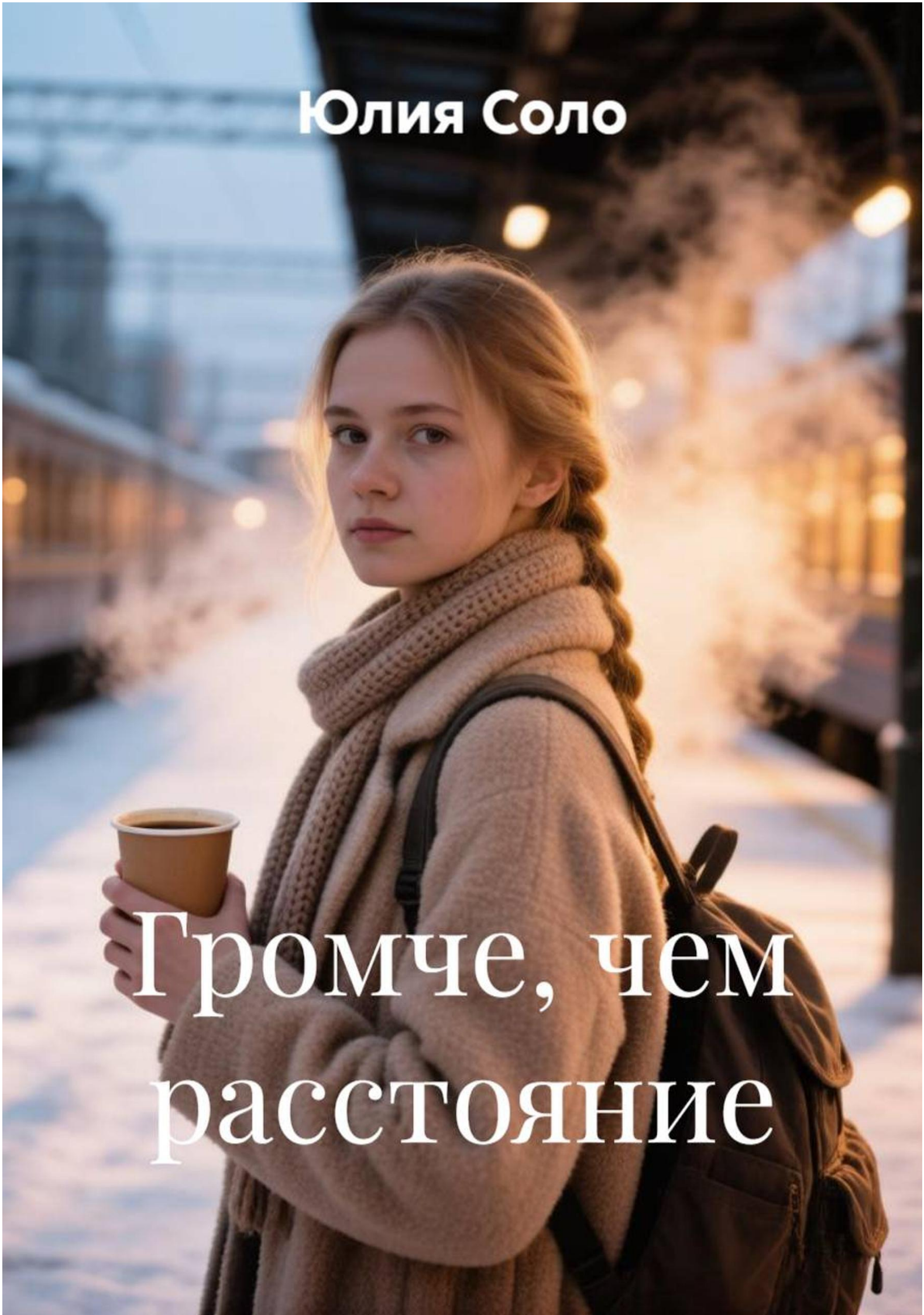

Юлия Соло
Громче, чем расстояние

Юлия Соло

Громче, чем расстояние

«Автор»
2026

Соло Ю.

Громче, чем расстояние / Ю. Соло — «Автор», 2026

Кристина Волкова привыкла быть «хорошей девочкой»: красный аттестат, бюджет экономического факультета, расписанная по минутам жизнь в тихом Саратове. Но случайная встреча на молодежном форуме переворачивает всё. Макс — дерзкий, свободный, не похожий на правильных отличников — обещает ей настоящую жизнь в Петербурге без чужих рамок и правил.Бросив университет и поссорившись с родителями, Кристина покупает билет в один конец. Однако за романтикой ночных переписок скрываются тесная комната в квартире его родителей, придирки властной свекрови, безденежье и холодный контроль человека, для которого она всего лишь удобная и безотказная вещь.Оказавшись в ловушке в чужом городе с тысячей рублей на карте, Кристина должна сделать главный выбор: сломаться и вернуться побежденной или впервые услышать собственный голос, который окажется громче любого расстояния.

© Соло Ю., 2026
© Автор, 2026

Юлия Соло
Громче, чем расстояние

Книга 1. «Громче, чем расстояние»

Глава 1. Галстуки и сквозняки.

В огромном стеклянном атриуме пахло дорогим зерновым кофе, свежей типографской краской, сладковатым женским парфюмом и чужими амбициями.

Кристина стояла у колонны, облицованной холодным светлым мрамором, и в третий раз за последние десять минут проверяла содержимое прозрачной пластиковой папки. Внутри лежали распечатки паспорта проекта, сшитые синей пружиной, два экземпляра презентации на случай, если флешка подведет, и блокнот с выписанными от руки тезисами выступления. Пальцы слегка дрожали, а ладони предательски потели — приходилось незаметно вытирать их о плотную ткань темно-синего кардигана.

Вокруг кипел настоящий муравейник всероссийского форума «Движения первых». Мимо непрерывным потоком шли десятки ребят из разных регионов — в одинаковых брендированных свитшотах цвета морской волны, с горящими глазами и отрепетированными улыбками. На втором уровне атриума фотографы с тяжелыми объективами ловили «живые» эмоции для официальных отчетов, волонтеры в ярких футболках раздавали буклеты, а из-за закрытых дверей главного зала доносился приглушенный гул саундчека.

Кристина поправила бейдж на синем шнурке — «Кристина Волкова, делегат, Саратовская область» — и глубоко вдохнула, пытаясь унять мелкую дрожь в коленях.

Она приехала сюда из своего тихого, провинциального Саратова, где по вечерам на набережной пахнет речной водой и жареными семечками, а жизнь течет размеренно, как расписание лекций на экономическом факультете. Этот грант она буквально выгрызла зубами: три недели не спала ночами, переписывала смету, спорила с научным руководителем, собирала статистику по школам области и доводила до идеала свой социальный проект по профориентации подростков из малых городов.

Для неё эта поездка была не просто строчкой в портфолио. Это был билет в большую, настоящую жизнь. Доказательство маме, которая считала, что экономисту нужно тихо сидеть в банке и не лезть в общественную работу; доказательство куратору в университете, привыкшему видеть в ней лишь безотказную старосту; и, главное, самой себе — что она способна на большее, чем просто быть «хорошей, послушной девочкой», которая никогда не опаздывает и не задает лишних вопросов.

— Девушка, вы либо проходите в зал, либо не перекрывайте кислород у кофе-пойнта, — раздался прямо над правым ухом низкий, чуть хрипловатый голос с отчетливой ленивой усмешкой. — А то тут стратегический запас кофеина под угрозой.

Кристина вздрогнула так резко, что едва не выронила папку. Она отступила на шаг назад, чуть не наступив кому-то на ногу, и обернулась.

Рядом стоял парень лет двадцати трех, на голову выше неё. На фоне выглаженных, причесанных и до блеска начищенных активистов форума он выглядел так, словно забрел сюда по ошибке — перепутал двери и попал на чужой праздник жизни. Потертая темная куртка нараспашку, под ней простая черная футболка без единого логотипа, растрепанные темные волосы, спадающие на лоб, и бейдж наперекосяк, небрежно засунутый в карман джинсов так, что наружу торчал только край синего шнурка. В руках он держал два дымящихся бумажных стаканчика.

— Простите, я задумалась, — Кристина отступила еще на полшага, чувствуя, как к щекам приливает предательская горячая краска.

— Бывает, — он не спешил отходить. Скользнул по ней внимательным, цепким взглядом темных глаз, задержавшись на идеально заплетенной тугой косе, строгом темно-синем кардигане, застегнутом на все пуговицы до самого горла, и тонких пальцах, судорожно сжимающих папку. — Дай угадаю. Делегация из Поволжья или Центральной России. Внутри этой папки — план по спасению мира в трех томах, сметы на три года вперед и презентация минимум на сорок слайдов. Я угадал?

— Вообще-то на двадцать восемь, — вскинула подбородок Кристина. Ей вдруг стало по-настоящему обидно за свои бессонные ночи, за каждую выверенную цифру и таблицу. — И это не «спасение мира», а реальный проект для подростков из небольших городов, которым некому подсказать, куда идти учиться. Не всем же ходить с таким видом, будто им здесь смертельно скучно и всё вокруг — пустая трата времени.

Парень усмехнулся — уже теплее, без прежнего колючего сарказма. В уголках его глаз собрались мелкие морщинки, и лицо сразу стало открытым, почти мальчишеским. Он неожиданно протянул ей один из стаканчиков.

— Держи. Латте без сахара и без всяких модных сиропов, но сойдет, чтобы не уснуть на пленарном заседании, когда начнут зачитывать приветственные телеграммы. Я Макс.

— Кристина, — она помедлила секунду, оценивая, не розыгрыш ли это, но стаканчик взяла.

Когда она перехватывала горячий картон, её пальцы случайно коснулись его ладони — горячей, широкой и чуть шершавой. По спине Кристины пробежал странный, непривычный холодок, от которого она даже сбилась с дыхания.

— А зачем ты вообще приехал, Макс, если тебе вся эта официальщина так не нравится? — спросила она, делая маленький глоток, чтобы скрыть смущение. Кофе оказался крепким и обжигающим.

— Меня отправили в командировку из Питера от подрядной компании как технического куратора площадки, — он лениво кивнул в сторону массивных стеклянных дверей главного зала, где сквозь стекло виднелась сцена с огромными светодиодными экранами. — Сижу за пультом, слежу, чтобы у таких правильных отличниц, как ты, кликеры не глючили и слайды не зависали в самый ответственный момент.

— Я не отличница, — тихо возразила она, глядя в свой стаканчик.

— Врешь, — Макс наклонился чуть ближе, понизив голос так, чтобы его не было слышно в общем гуле холла, и в его темных глазах мелькнул азартный, насмешливый огонек. — У тебя на лице крупными буквами написано: «Я сделаю всё идеально, даже если придется сдохнуть прямо у микрофона». Знаешь, Кристина, в чем главная тайна всех этих больших форумов? Мир меняют не те, кто ходит по струнке с папками под мышкой. А те, кто умеет вовремя выключить микрофон, снять галстук и выйти на улицу подышать настоящим воздухом.

В огромном зале заиграла торжественная, грохочущая музыка — начиналось официальное открытие. Толпа в атриуме мгновенно зашевелилась, зашумела, потянулась широким потоком к входам. Где-то у противоположной колонны Кристину окликнула руководительница их саратовской делегации — женщина в строгом брючном костюме, нетерпеливо махнувшая рукой: «Волкова, быстрее, наши места в четвертом ряду!»

— Мне пора, — Кристина сделала шаг назад, снова крепче прижимая к груди свою папку, словно щит. — Спасибо за кофе, Макс. И за... совет.

— Не за что, отличница, — он лениво отсалютовал ей своим стаканчиком. — Увидимся за пультом. Если, конечно, не утонешь в своих таблицах до вечера.

Она развернулась и пошла вслед за своей группой в зал, спиной чувствуя его пристальный, изучающий взгляд между лопаток. Кресло в четвертом ряду оказалось мягким, на сцене уже говорили правильные, громкие слова о будущем молодежи, но Кристина впервые за последние месяцы не достала блокнот. Внутри было странное, непривычное ощущение —

будто её идеальный, расписанный по минутам и клеткам план жизни только что дал крошечную, но очень приятную трещину.

Глава 2. Выключить микрофон.

Официальный вечерний фуршет в банкетном зале отеля напоминал выставку достижений идеальной молодежи. Под высокими потолками сверкали хрустальные люстры, официанты в белых рубашках бесшумно скользили между фуршетными столиками с крошечными канапе, из скрытых колонок лился нейтральный фоновый лаунж, а руководительница саратовской делегации уже битый час объясняла Кристине, с кем именно нужно сфотографироваться для отчета в региональное министерство.

— Вон видишь мужчину в сером костюме у пресс-волла? Это замдиректора департамента, — шептала она Кристине на ухо, поправляя ей воротничок. — Сейчас подойдет наш фотограф, встанешь слева, папку держи так, чтобы логотип форума было видно, и улыбайся естественно. Нам этот кадр для грантовой заявки кровь из носу нужен.

Кристина послушно кивала, держала спину прямо и улыбалась так старательно, что к девяти вечера у неё начало сводить скулы. Строгий темно-синий кардиган вдруг показался невыносимо колючим, как мелкая наждачка, тугая коса тянула кожу на затылке, а новые туфли на невысоком устойчивом каблуке превратились в настоящие испанские сапоги. В груди ворочалось странное, глухое раздражение — впервые в жизни ей захотелось не улыбаться в камеру, а просто сесть на пол и снять эти туфли.

Телефон в кармане кардигана коротко вибрировал. Кристина отошла на пару шагов к высокому окну, за которым темнела вечерняя Москва, и разблокировала экран. Сообщение пришло в мессенджере с незнакомого номера:

«Через десять минут у черного выхода со стороны набережной. Если хочешь увидеть и услышать, как звучит настоящий город, а не этот пластиковый аквариум с бутербродами. Макс».

Кристина замерла, перечитывая строчки. Откуда он взял её номер? Наверное, из общих списков участников, к которым у технической группы был доступ. Но вопрос был даже не в этом. «Хорошая девочка» Кристина Волкова должна была сейчас допить свою минералку без газа, дождаться очереди к пресс-воллу, вежливо попрощаться с делегацией и ровно в одиннадцать лечь спать в гостиничном номере, чтобы утром со свежей головой выступить на защите проекта.

— Кристина, ты меня слушаешь? — строго окликнула руководительница, обернувшись от столика с напитками. — Вон куратор нашего направления освободился, пойдем подойдем, представишься.

Кристина посмотрела на её безупречную укладку, на одинаковые улыбки вокруг, на вспышки фотоаппаратов — и вдруг почувствовала, что если останется здесь еще на пять минут, то просто задохнется.

— Извините, мне нужно... на секунду в уборную, — выдохнула она, не глядя женщине в глаза, и, не дожидаясь разрешения, почти бегом направилась к боковым дверям банкетного зала.

Она миновала длинный ковровый коридор, толкнула тяжелую противопожарную дверь с зеленой табличкой «Выход» и сбежала по бетонной лестнице вниз. Холодный ночной октябрьский воздух ударил в разгоряченное лицо, как освежающая пощечина.

Макс стоял в двух шагах от металлической двери служебного выхода, привалившись плечом к старой кирпичной стене. В тусклом свете одинокого уличного фонаря его потертая куртка казалась почти черной, а темные глаза блестели с тем самым азартным, насмешливым огоньком.

— А я уж думал, отличницы не сбегают с уроков, — усмехнулся он, отталкиваясь от стены и засовывая руки в карманы. — Пришлось бы мне одному пиво пить.

— Я не сбежала. Я просто вышла подышать, — соврала Кристина, зябко обхватывая себя руками за плечи и оглядываясь на дверь, словно за ней прямо сейчас выбежит погоня.

— Ага, конечно. Поехали, пока твои надзиратели не хватились и не объявили план «Перехват».

У края тротуара уже мигал аварийкой желтый седан такси. Макс открыл перед ней заднюю дверь, пропуская вперед, и Кристина, поколебавшись лишь долю секунды, нырнула в теплый салон.

Через двадцать минут машина высадила их в старом промышленном квартале неподалеку от набережной, где вместо сверкающих стеклянных высоток высились мрачные красно-кирпичные корпуса бывших заводов, исписанные граффити. У входа в полуподвальный клуб с выцветшей вывеской толпились люди в потертых косухах, тяжелых армейских ботинках и растянутых толстовках. Из-за тяжелой обитой железом двери доносился глухой, вибрирующий гул бас-гитары — такой мощный, что его физически чувствовала грудная клетка даже здесь, на улице.

Кристина инстинктивно сжалась, опустив взгляд на свой строгий синий кардиган, юбку до колена и пластиковый бейдж делегата, который она в спешке так и не сняла.

— Я здесь выгляжу как инопланетянка, — тихо, почти виновато сказала она. — Или как завуч, который пришел проверять документы.

Макс остановился, посмотрел на неё сверху вниз, улыбнулся неожиданно мягко и протянул руку. Одним плавным, уверенным движением он стянул синий шнурок с бейджем через её голову, аккуратно свернул его и сунул себе во внутренний карман куртки.

— А теперь сними эту штуку, — он кивнул на кардиган. — Под ним же нормальная футболка?

Под кардиганом была простая белая хлопковая майка. Кристина колебалась секунду — в груди еще пискнул слабый голос внутренней отличницы, — а потом решительно расстегнула мелкие пуговицы и стянула кофту с плеч. Макс молча забрал кардиган, повесил себе на руку и, едва они спустились по крутым бетонным ступеням в душный, полутемный зал, пропахший дымом, лимоном и дешевым пивом, сдал его в гардероб вместе со своей курткой.

Их мгновенно поглотила живая, пульсирующая толпа.

Здесь не было ни KPI, ни отчетных фотографий, ни правильных ответов. На небольшой невысокой сцене, залитой густым багровым светом софитов, солист с хриплым, надрывным голосом выкрикивал строчки о свободе, ночных дорогах и праве быть собой — такие искренние, что у Кристины по рукам побежали крупные мурашки. Ритм ударных бил прямо в виски, вышибая из головы все тревоги, графики, страх перед завтрашней защитой и бесконечные чужие ожидания.

Макс встал прямо за её спиной, надежно ограждая от плотного потока танцующих и прыгающих людей. Его ладони легли ей на талию — горячие, уверенные, тяжелые. Кристина сначала напряглась от неожиданности, привычно пытаясь сохранить дистанцию, но через минуту перестала думать. Она выдернула резинку из волос, распуская тугую косу по плечам, закрыла глаза, запрокинула голову и впервые за много лет просто растворилась в звуке.

Когда ритм сменился и заиграла медленная, тягучая баллада, толпа вокруг немного стихла, превратившись в покачивающееся море теней. Кристина медленно повернулась к нему. В полумраке клуба лицо Макса казалось резким, почти красивым, а в темных глазах, освещенных отблесками сцены, не осталось и следа прежнего насмешливого цинизма.

— Ну что, отличница? — тихо спросил он, наклоняясь к самому её уху, чтобы перекричать гул гитары. — Здесь лучше, чем на фуршете?

— Намного, — выдохнула она, чувствуя, как горячее дыхание обжигает кожу.

Его пальцы медленно скользнули по её щеке, бережно убирая выбившуюся прядь волос за ухо. Весь огромный, шумный зал вокруг вдруг сжался до пары сантиметров между ними. Когда Макс наклонился и коснулся её губ, Кристина не отстранилась и не вспомнила ни о времени, ни о гостинице. Поцелуй был терпким, со вкусом прохладного ночного воздуха, кофе и той самой головокружительной свободы, о которой она тайком мечтала всю жизнь.

Она еще не знала, что эта ночь станет главной точкой отсчета — и началом самой страшной ловушки в её жизни.

Глава 3. Ночной чат.

Кристина лежала в своей комнате в Саратове, глядя в темный потолок, по которому изредка скользили желтые блики фар от проезжающих по улице машин. За тонкой межкомнатной стенкой, в родительской спальне, мерно и чуть хрипловато тикали старые настенные часы, отсчитывая секунды её прошлой, понятной и расписанной до мелочей жизни.

На прикроватной тумбочке лежал открытый учебник по макроэкономике, исчерканный разноцветными маркерами, и идеальный ежедневник с расписанием консультаций у научного руководителя, но буквы на страницах расплывались, теряя всякий смысл. Прошло ровно две недели после московского форума и того полутемного рок-концерта на набережной, но Кристине казалось, что часть её так и осталась в том багровом свете софитов, под гул бас-гитары и горячими ладонями Макса.

На подушке коротко и глухо завибрировал телефон, подсветив в темноте край наволочки.

Она даже не посмотрела на экран — знала, что это он. Это всегда был он. Ровно в час ночи, когда родители в соседней комнате давно засыпали, а осенний Саратов за окном затихал под мелким моросящим дождем, Макс выходил на связь из своего холодного, дождливого Петербурга.

«Ты спишь?»

Кристина улыбнулась в темноту, чувствуя, как по груди разливается знакомое, тягучее тепло. Пальцы сами набрали ответ прежде, чем разум успел напомнить, что завтра к восьми утра на первую пару:

«Нет. Жду тебя».

«Скучаю по твоему голосу. У меня тут Питер опять плачет, льет как из ведра с самого вечера, ветер с залива такой, что окна дребезжат. Шел домой от метро и представил, как ты сейчас сидишь у себя и кутаешься в теплый плед. У вас там еще тепло или тоже осень накрыла?»

Кристина подтянула колени к груди, натягивая одеяло до самого подбородка. В её комнате с деревянными рамами действительно было прохладно, но по коже всё равно побежали мурашки. Он всегда так делал — замечал мельчайшие детали, до которых никому вокруг не было дела. На конференции первым заметил её уставший, напряженный взгляд; в клубе почувствовал, как у неё дрожат пальцы; сейчас спрашивал про погоду за полторы тысячи километров, но между строчек читалось совсем другое: «Тебе тепло? О тебе есть кому позаботиться?»

«Уже холодно. Настоящая осень пришла, листья почти облетели», — напечатала она.

«Бедная моя. Сиди там, не вылезай из-под одеяла, я сейчас включу тебе правильный звук».

В динамике телефона мягко щелкнуло — прилетело аудиосообщение. Из трубки полились тихие, чуть приглушенные гитарные переборы, какой-то незнакомый, меланхоличный питерский инди-трек, записанный, судя по фону, прямо с винилового проигрывателя или старых колонок. Макс редко записывал длинные голосовые монологи — он присылал музыку, через которую говорил о чувствах гораздо больше, чем прямыми словами.

— Слышишь? — его голос в следующем коротком аудио звучал низко, чуть хрипло, поночному сонно и невероятно близко, словно он шептал ей прямо на ухо. — Это местные ребята,

знакомые с Васильевского. Вспомнил тебя сегодня, когда шел под дождем. Ты тогда в клубе стояла такая... неправильная. В этом своем строгом синем кардигане, как будто с линейки сбежала. А глаза дикие.

Кристина закрыла глаза, прижимая телефон к щеке. От этих слов внутри разлилось густое, сладкое тепло, от которого кружилась голова. Никто и никогда в жизни не говорил ей, что она «дикая». Для всех вокруг она всю жизнь была функцией: «Кристина, гордость экономического факультета», «Кристина, безотказная староста», «Кристин, скинь конспект вчерашней лекции», «Доченька, не забудь зайти за хлебом и не засиживайся допоздна». Даже мама любила её за пятерки, аккуратность и послушание. А Макс смотрел сквозь этот правильный фасад и видел в ней живого, настоящего человека.

— Я не дикая, — прошептала она в микрофон, боясь разбудить родителей за стеной. — Я просто... самая обычная и правильная.

— Ты просто боишься, — его ответ прилетел через минуту. — Боишься, что если расслабишь плечи хоть на секунду и сделаешь шаг в сторону, твой идеальный мир рухнет. Но он не рухнет, Крис. Обещаю.

Они переписывались и перебрасывались короткими голосовыми до четырех утра. Говорили о музыке, о ночных мостах, о том, как он устал от душного офиса, мелочных заказчиков и бесконечных командировок, и о том, как она вымоталась от роли безупречной дочери и образцовой студентки. Макс не перебивал, не читал нотаций и не давал непрошеных советов. Он умел слушать так, что казалось, будто в целом огромном мире сейчас нет никого важнее неё.

Когда разговор случайно зашел о её социальном проекте — том самом, за который она получила диплом лауреата на форуме и который куратор теперь требовал доработать для подачи на весенний региональный грант, — Кристина впервые за долгое время почувствовала не привычную гордость, а глухую, сосущую пустоту.

— Я не знаю, хочу ли я вообще этим заниматься, — тихо призналась она в голосовом, глядя в темноту. — Эти отчеты, форумы... они какие-то пластиковые. Мы делаем вид, что меняем мир, а на деле просто перекладываем бумажки из одной папки в другую, чтобы кафедре галочку поставили.

— Так не делай, — просто и буднично ответил Макс. — Зачем тебе этот диплом, если ты уже на третьем курсе ненавидишь то, что делаешь? Возьми академ. Приезжай ко мне в Питер.

Кристина замерла. Сердце на секунду пропустило удар, а затем заколотилось так громко, что отдалось в висках.

— Макс, это безумие. У меня третий курс, бюджет, зимняя сессия через два месяца. Родители... они просто не поймут. Мама распланировала мою жизнь на пять лет вперед: диплом, практика в банке, магистратура...

— Родители хотят, чтобы ты была удобной, — в его голосе впервые появились жесткие, властные, уверенные нотки, которые ей так нравились. — Как тот твой синий кардиган на пуговицах. А ты не кардиган, Крис. Ты — огонь. Просто тебя с детства заставили сидеть в тесной картонной коробке и бояться высунуть нос. Приезжай. Поживем у моих первое время, квартира большая, трехкомнатная, все свои. Я работаю, нормально зарабатываю, ты... отдохнешь, оглядишься, найдешь дело по душе. Мы же взрослые люди, в конце концов.

Взрослые. Это слово прозвучало в ночной тишине как заклинание, открывающее запретную дверь. Она так устала быть послушной, удобной девочкой, которая всегда выбирает «как надо», а не «как хочется».

— Я не знаю... — прошептала она, глядя на экран, где светилось его имя. — Это слишком резко. Мы ведь виделись всего два дня...

— Не думай. Решай, — перебил он мягко, но настойчиво. — Иногда два дня значат больше, чем десять лет в соседних квартирах. Я хочу просыпаться рядом с тобой, а не с холодным телефоном в руке. Завтра утром посмотрю билеты на поезд. Скажи только «да».

Кристина повернула голову и посмотрела на свой идеальный планер на столе, где аккуратным почерком синей ручкой были расписаны пары, семинары и консультации с научным руководителем на месяц вперед. Потом открыла банковское приложение на телефоне. На счету лежало двенадцать тысяч четыреста рублей — отложенная за полгода повышенная стипендия, которую она берегла на новое зимнее пальто.

— Да, — набрала она дрожащими пальцами прежде, чем внутренний голос разума и страха успел перехватить её руку. — Я завтра пойду в деканат и возьму академ. Покупай.

Когда через пару минут на экране высветилось присланное им фото электронного билета на скорый поезд Саратов — Санкт-Петербург с её именем и фамилией, тяжесть в груди мгновенно сменилась пьянящим, пугающим восторгом. Ей казалось, что она только что купила себе настоящую свободу.

Она еще не знала, что билет в один конец без плана и опоры — это не свобода. Это начало чужого контроля.

Глава 4. Мосты.

На небольшой саратовской кухне пахло жареными сырниками, подгоревшим маслом и резкими каплями валерьянкой.

Кристина сидела за обеденным столом, сжимая озябшими ладонями кружку с давно остывшим чаем, и смотрела на то, как у матери мелко дрожат пальцы, когда она пытается застегнуть верхнюю пуговицу на домашнем фланелевом халате. Напротив, у зашторенного окна, стоял отец — хмурый, непривычно молчаливый, плотно скрестивший тяжелые рабочие руки на груди.

Тяжелый разговор шел уже сорок минут, и с каждой минутой воздух на кухне становился всё гуще, словно перед летней грозой.

— Ты вообще в своем уме, Кристина?! — голос матери срывался на высокий, надломленный фальцет, от которого звенело в ушах. — Третий курс! Бюджетное место! Ты три года ночами не спала, над учебниками горбилась, чтобы вот так взять и вылететь из университета ради какого-то случайного мальчика, которого видела два раза в жизни?!

— Я не вылетаю, мам, — Кристина старалась говорить максимально ровно и спокойно, хотя внутри всё сжималось от привычного, липкого чувства вины, вбитого с детства. — Я сегодня утром уже была в деканате. Написала заявление на академический отпуск по семейным обстоятельствам, куратор помогла оформить без лишних вопросов. Место за мной сохраняется. Через год спокойно восстановлюсь, если захочу.

— «Если захочу»! — всплеснула руками мать, и по её щекам снова покатились слезы, оставляя влажные дорожки. — Да кому ты там нужна в этом Петербурге?! Ни профессии, ни диплома, ни своего угла, ни копейки за душой! Ты у него на шее сидеть собралась?! Или у его родителей в приживалках по углам жаться?! Ты хоть знаешь, что это за люди, какая у них семья?!

— Мама, хватит, пожалуйста, — тихо, но твердо сказала Кристина, поднимая глаза от кружки. — Я не в приживалках. Мы любим друг друга, и Макс меня позвал сам. Я найду работу, в Питере полно вакансий для студентов, это огромный город. Я просто хочу сама решить, как мне жить. Хоть раз в жизни сделать выбор самой, а не по вашему списку на пять лет вперед.

Мать схватилась за сердце, тяжело опустилась на табуретку у плиты и запричитала, качая головой:

— Боже мой, за что мне это... Всю жизнь в неё душу вкладывали, от всего ограждали, а она в омут с головой за первым встречным...

Отец тяжело вздохнул, оттолкнулся от подоконника и подошел к столу. Он не кричал и не размахивал руками, как мать, — он сел рядом и посмотрел на дочь долгим, усталым, пронзительным взглядом, от которого становилось в сто раз больнее, чем от любых криков.

— Кристина, ты девочка умная, рассудительная, — глухо, негромко сказал он, глядя ей прямо в глаза. — Но ты людей совсем не знаешь. В переписке по ночам и на празднике все красивые и щедрые. А когда ты приедешь туда за полторы тысячи километров без денег, без родных и без опоры, в чужой дом — деваться тебе будет некуда. Случись что — даже на обратный билет попросить не у кого будет. Подумай головой, дочка, не пори горячку. Подожди хотя бы до лета, закрой третий курс.

— Я уже всё решила, пап, — Кристина сглотнула вязкий ком в горле, стараясь не отводить взгляд. — Билет куплен. Поезд послезавтра вечером.

Мать закрыла лицо ладонями и глухо, надрывно зарыдала. У Кристины так сильно защемило сердце, что на секунду перехватило дыхание. Ей до безумия, до физической боли захотелось сейчас вскочить со стула, обнять её за вздрагивающие плечи, уткнуться лицом в родной халат и сказать: «Прости, мам, я глупость сморозила, я никуда не поеду, я буду хорошей».

Но ровно в эту секунду в кармане джинсов коротко, настойчиво звякнул телефон.

Кристина опустила взгляд на экран. Всплыло сообщение от Макса:

«Я уже освободил для тебя целую полку в шкафу и купил твои любимые конфеты. Считаю часы, моя смелая, настоящая девочка».

Эти две короткие строчки сработали как мгновенная анестезия. Слезы матери сразу показались попыткой снова удержать её в старой, тесной клетке, а предостережения отца — обычным провинциальным страхом перед большими переменами и чужим городом.

Кристина глубоко вдохнула, убрала телефон обратно в карман и медленно встала из-за стола.

— Я пойду собирать вещи, — негромко, но твердо сказала она. — Простите, что расстроила вас. Но я правда счастлива. И я обещаю, что буду звонить каждый день.

Она вышла из кухни, стараясь не смотреть на сгорбленную спину отца, и плотно закрыла за собой дверь своей комнаты. Руки мелко дрожали, а в горле всё еще стоял сухой ком, но Кристина подошла к шкафу, открыла дверцу и достала с верхней антресоли большой дорожный рюкзак. Мосты за спиной были сожжены. Назад дороги больше не было.

Глава 5. Поезд.

Кристина сидела на нижней плацкартной полке, подтянув колени к груди, и смотрела в темное, забрызганное осенним дождем окно. За стеклом непрерывной черной лентой проносилась глухая, безымянная ночная Россия — редкие желтые огни пустых полустанков, мокрые, почерневшие от холодных дождей поля, темные силуэты покосившихся заборов и спящих деревень.

В третьем отсеке скорого поезда Саратов — Санкт-Петербург пахло дешевой заварной лапшой, остывшим каменным углем из проводницкого титана, влажной шерстью и чужими, незнакомыми жизнями. Напротив неё, на боковом нижнем месте, тяжело и раскатисто похрапывал мужчина в растянутой серой майке, укрывшись с головой колючим казенным одеялом, а через узкий проход усталая молодая мама уже битый час безуспешно пыталась укачать плачущего младенца.

Это было совсем не похоже на красивое, вдохновляющее кино о дерзком побеге в новую счастливую жизнь. В горле неприятно першило от сухого, спертого вагонного воздуха, поясница ныла от жесткого, продавленного матраса, а тонкие носки на ногах давно замерзли от сквозняка, тянущего из щели под оконной рамой. Но Кристина упрямо улыбалась в темноту, сжимая в руках кружку с остывшим чаем в металлическом подстаканнике.

Пальцы сами потянулись к телефону, лежащему под подушкой. Она разблокировала экран и открыла мессенджер. Последнее сообщение от Макса висело непрочитанным всего три минуты:

«Осталось восемнадцать часов. Считаю километры до Питера. Спишь?»

Кристина прикусила губу, подбирая слова, чтобы выглядеть легкой, смелой и романтичной — такой, какой он её запомнил на рок-концерте: «Нет. Слушаю, как стучат колеса. Это лучше любой музыки».

Посмотрела на строчку, подумала секунду, стерла — и написала то, чего никогда в жизни еще никому не говорила:

«Люблю тебя».

Нажала «отправить» — и затаила дыхание, чувствуя, как сердце гулко застучало где-то под ребрами.

Ответ прилетел через минуту. Короткое голосовое сообщение. Макс не спал — на заднем плане отчетливо слышался резкий шум питерского ветра, гул ночной трассы и щелчок зажигалки.

— Спи, Крис, завтра тяжелый день будет. Я встречу тебя сам. Прямо у вагона на перроне, — его голос звучал низко, чуть устало, но неожиданно жестко и властно. — И смотри у меня: даже не вздумай ловить такси у вокзала или куда-то уходить с перрона без меня, поняла? У тебя с собой последние копейки, нечего кормить местных бомбил. Сиди в вагоне на полке, пока не увидишь меня в окно.

От этой резкой, безапелляционной заботы по телу снова разлилось густое, сладкое тепло. Он думает о ней. Он бережет её, как маленький, неразумный ребенок, который может потеряться в большом, опасном городе. Кристине даже в голову не пришло, что в его тоне звучало не столько беспокойство, сколько первый приказ.

Она заблокировала экран, легла на тонкую, сбившуюся в комок подушку, пахнущую казенной хлоркой, и плотнее натянула на голову капюшон своего утепленного худи. В начале вагона двое нетрезвых парней пили пиво из банок и громко смеялись, обсуждая вчерашний футбольный матч, за перегородкой мерно и монотонно стучали колеса.

Сон не шел. Час за часом вагон качало из стороны в сторону, и впервые за двое суток сквозь пьянящее, горячее предвкушение встречи в грудь Кристины медленно просочился холодный, липкий страх.

В темноте, без романтических песен и ночных переписок, реальность вдруг стала пугающе четкой. Она поссорилась с родителями — мама на вокзале перед отправлением даже не смогла вымолвить ни слова, только крестила её дрожащей рукой и плакала, а отец смотрел так, словно провожал её на войну. Она заморозила бюджетную учебу на третьем курсе, уехала за полторы тысячи километров с одним набитым рюкзаком и двенадцатью тысячами рублей на карте к человеку, которого видела вживую ровно два дня.

А что, если в обычной, будничной жизни он окажется совсем другим? Что, если за закрытой дверью его питерской квартиры нет никакой музыки, ночных разговоров до утра и обещанной свободы?

Кристина до боли сжала кулаки в карманах толстовки и крепко зажмурилась. Думать об этом было поздно. Скорый поезд неумолимо нес её вперед, в серый ноябрьский рассвет.

Глава 6. Московский вокзал.

Петербург встретил её промозглой, сырой серостью, низким свинцовым небом и пронизывающим балтийским ветром, который забирался под куртку за секунду и леденил спину.

Кристина стояла на широком, гулком перроне Московского вокзала рядом со своим огромным дорожным рюкзаком и второй спортивной сумкой, растерянно и чуть испуганно

оглядываясь по сторонам. Мимо непрерывным потоком спешили сотни людей в темных пальто и пуховиках с серьезными, закрытыми лицами, грохотали тележки носильщиков, над головой из динамиков гулко и равнодушно объявляли прибытие скорых составов. Огромный город казался гигантским, холодным и абсолютно равнодушным к тому, что она бросила ради него всю свою прежнюю жизнь.

— Эй, отличница! — раздался сбоку знакомый хрипловатый голос.

Она резко обернулась. Макс шел к ней сквозь редеющую толпу пассажиров — в той же потертой темной кожаной куртке нараспашку, с руками, глубоко засунутыми в карманы джинсов, и усталой, чуть кривой полуулыбкой. Сердце Кристины сделало радостный кульбит. Все ночные страхи и сомнения плацкартного вагона мгновенно испарились, словно их сдуло ветром.

Она бросила ручку спортивной сумки и шагнула ему навстречу. Макс обнял её крепко, притянув к себе, и на секунду зарылся лицом в её волосы, пахнущие поездным дымом и дешевым дорожным шампунем. От него пахло свежим уличным ветром, дорогим табаком и тем самым терпким парфюмом, который она запомнила еще с того вечера в московском клубе.

— Ну наконец-то, — выдохнул он ей в висок. — Я уж думал, этот твой саратовский экспресс никогда не доедет.

Он отстранился, быстро чмокнул её в замерзший нос, а потом опустил взгляд на её вещи, стоящие на мокром асфальте перрона. Теплая улыбка на его лице слегка поблекла, сменившись привычной, прагматичной складкой между темными бровями.

— Ого. А зачем ты столько барахла с собой набрала? — Макс качнул головой, критически разглядывая набитый до отказа туристический рюкзак и вторую сумку. — Ты что, весь Саратов сюда в баулах перевезла?

Кристина моргнула, чувствуя, как внутри что-то неприятно и остро кольнуло, словно ей внезапно сделали замечание за плохую оценку.

— Ну... я же надолго приехала, не на выходные, — растерянно оправдалась она, поправляя съехавшую лямку. — Тут зимние вещи, сапоги, ноутбук, учебники...

— Ладно, дома разберемся, просто в метро в утренний час пик с этим негабаритом тащиться — то еще удовольствие, — он тяжело вздохнул, с явным усилием подхватил тяжелый рюкзак на одно плечо, а спортивную сумку взял в свободную руку. — Пошли быстрее, не стой на ветру, а то еще простудишься с порога.

Они спустились в душное, гудящее подземелье станции «Площадь Восстания». В вагоне метро было невыносимо тесно, людей плотно прижимало друг к другу. Кристина стояла, вцепившись замерзшими пальцами в холодный металлический поручень, и украдкой смотрела на Макса.

При ярком, беспощадно-холодном свете люминесцентных ламп вагона он выглядел совсем не так, как в полумраке клуба или на размытых ночных фотографиях: под глазами залегли глубокие серые тени от недосыпа, на щеках пробивалась жесткая темная щетина, а взгляд был рассеянным, усталым и немного раздраженным.

Он молча, одной рукой, листал новостную ленту в телефоне, даже не пытаясь приобнять её или придержать за плечо, хотя поезд ощутимо дергало на стрелках.

— Макс, — тихо позвала она, наклоняясь ближе, чтобы перекрыть грохот колес. — А твои родители точно не против, что я у вас поживу? Может, нам всё-таки хоть комнату снять поближе к центру, когда я работу найду? Мне как-то неловко сразу к чужим людям в квартиру...

Макс на секунду оторвался от экрана смартфона, бросил на неё быстрый, тяжелый взгляд сверху вниз.

— Крис, давай не начинать вынос мозга с самого порога, а? Квартира трехкомнатная, места всем хватит. Мама нормальная женщина, просто не мешайся у неё под ногами первое

время на кухне. И вообще — сними этот капюшон, мы уже в помещении, ты в нем как беженка с вокзала выглядишь.

Он снова уткнулся в телефон. Кристина послушно, медленным движением стянула капюшон толстовки с головы, чувствуя, как к горлу подкатывает непонятная, глухая и горькая обида. Она всю дорогу ждала, что он будет держать её за руку и смотреть тем самым восхищенным, горячим взглядом, как в ту ночь под музыку. Но вместо этого появилось липкое, неприятное ощущение, будто она приехала не к любимому человеку, который звал её к себе, а просто свалилась ему на голову, создав лишние бытовые проблемы в начале рабочего дня.

Впереди была их новая, настоящая жизнь — и первая встреча с его семьей, от которой у Кристины уже сейчас холодело внутри.

Глава 7. Квартира.

Старый грузовой лифт в сером панельном доме на Гражданке пах сырой штукатуркой, дешевым табаком и вчерашней жареной рыбой. Кристина стояла, вжавшись спиной в обшарпанный угол кабины, и чувствовала, как от волнения немеют кончики пальцев. Макс нажал кнопку шестнадцатого этажа, не выпуская из рук её тяжелый туристический рюкзак. Сам он выглядел здесь, при тусклом, мигающем свете лампочки лифта, совсем иначе — помятым, уставшим, с залегшей под глазами синевой и раздраженно сжатыми челюстями.

Двери со скрежетом разъехались.

Квартира встретила их приглушенным гулом телевизора из дальней комнаты и плотным, въевшимся в стены запахом валокордина, старых книг и жареного лука. Это была большая, но на удивление тесная от обилия громоздкой советской мебели «трешка» с высокими потолками, выцветшими обоями в мелкий цветочек и старым дубовым паркетом, который жалобно скрипел при каждом шаге.

— Мы дома! — бросил Макс в пространство прихожей, небрежно сбрасывая кроссовки и опуская её рюкзак прямо на пол у вешалки.

Из кухни, вытирая руки о застиранное вафельное полотенце, выглянула женщина лет пятидесяти.

Елена Викторовна была одета в выцветший байковый халат в крупную клетку, на голове — тугой узел темных с проседью волос, небрежно закрепленный простым деревянным карандашом. Лицо её, когда-то, наверное, правильное и даже красивое, сейчас состояло из глубоких носогубных складок, опущенных уголков губ и вечного, въевшегося напряжения человека, который каждую секунду ждет подвоха. Она остановилась на пороге, глядя исключительно на сына.

— Явился наконец? — голос у неё был сухим, высоким и ломким, как пересушенное печенье. — Я уж думала, ты на Московском вокзале ночевать остался. Суп на плите, сам себе нальешь, не разогревай в микроволновке — я её только вчера изнутри отмыла. И кто это с тобой?

Макс прошел мимо матери, даже не наклонившись, чтобы поцеловать её в щеку, и лениво кивнул в сторону Кристины:

— Это Кристина. Я же предупреждал позавчера. Из Саратова приехала, будет жить у нас.

Елена Викторовна медленно перевела взгляд на девушку. В её светлых, колючих глазах не было ни капли тепла, любопытства или обычного человеческого гостеприимства — только тяжелый, оценивающий прищур таможенного инспектора, проверяющего подозрительные документы.

— Здравствуйте, — тихо, почти шепотом выдохнула Кристина, инстинктивно прижимая к груди свою спортивную сумку.

— Вещи в маленькую комнату в конце коридора, — скомандовала свекровь, полностью игнорируя приветствие. — Там диван раскладывается, чистое белье на верхней полке в шкафу. Только не вздумай трогать мои книги на стеллаже, они у меня по алфавиту и сериям расставлены, я сразу замечу. И ванная по расписанию: после десяти вечера воду не лить и не плескаться, у нас газовая колонка старая, напора не будет, да и стены картонные — мне с моим давлением спать надо.

Из коридора показался невысокий мужчина в очках с толстыми стеклами и растянутом сером свитере — отец Макса, Сергей, а следом за ним с любопытством выглянула девчонка лет шестнадцати с большими накладными наушниками на шее.

— О, приехали наконец! — широко и по-доброму улыбнулся Сергей, подходя к Кристине и протягивая ей широкую, теплую ладонь. — Проходи, Кристина, не стой на пороге, у нас тут не музей. Дашка, помоги гостье с сумками, что стоишь как вкопанная.

— Привет! Классные кроссы, — шепнула сестра Макса, с живым интересом разглядывая Кристину и легко подхватывая спортивную сумку.

Елена Викторовна поджала губы так, что они превратились в тонкую белую нитку, бросила на мужа тяжелый, уничтожающий взгляд и ушла на кухню, громко хлопнув дверью.

Кристина стояла в тесной прихожей, чувствуя, как от этого резкого контраста кружится голова. Вроде бы семья приняла её нормально, но ледяной взгляд и командный тон матери Макса перекрывали всё тепло. Сам Макс тяжело вздохнул, словно сбросив с плеч невидимый груз.

— Не обращай внимания на мать, — тихо, почти шепотом сказал он, забирая с пола рюкзак. — Она просто... специфическая. Ревнует меня ко всему, что движется, привыкла, что я всегда под боком. Привыкнет через пару дней. Пошли, покажу нашу берлогу.

Он толкнул дверь в самом конце узкого коридора. Комната оказалась крошечной, метров восемь от силы, заставленной старой, отслужившей свой век мебелью: продавленное кресло с накинутым пледом, узкий скрипучий шкаф, письменный стол у стены и старый раскладной диван-книжка, застеленный колючим шерстяным одеялом. Единственное узкое окно упиралось прямо в глухую серую стену соседнего панельного дома, отчего даже днем здесь царил полумрак.

— Ну вот, — Макс поставил рюкзак у двери и обнял её сзади, утыкаясь носом в шею. — Зато своя территория. Располагайся.

Но Кристина не могла расслабиться. За тонкой межкомнатной стенкой всё так же раздраженно гремела кастрюлями Елена Викторовна, и этот металлический звук давил на барабанные перепонки.

— Макс, — прошептала она, поворачиваясь в его руках и глядя снизу вверх. — А может... может, всё-таки посмотрим отдельную комнату или недорогой хостел? Хотя бы на первое время? Пока я работу не найду... Мне правда неудобно здесь, я же вижу, что твоя мама не рада.

Макс мгновенно отстранился. Его лицо, только что бывшее мягким, закаменело, а взгляд стал колючим и чужим — тем самым раздраженным взглядом из утреннего метро.

— Крис, мы это уже сто раз обсуждали. Я не потяну съем сейчас, у меня кредит за машину и страховка на носу. Это временно, потерпи немного. Мама просто ворчит для порядка, она отходчивая. И вообще — сними куртку, стоишь в ней как капуста на рынке.

Он сам резким движением дернул «собачку» её молнии вниз. Кристина вздрогнула от неожиданности, но молча подчинилась.

В этот момент дверь комнаты снова приоткрылась без стука. Елена Викторовна стояла на пороге, держа в руках старую фаянсовую тарелку с двумя холодными котлетами и куском серого хлеба.

— На, поешь, — бросила она Кристине, не глядя ей в глаза. — С дороги, небось, голодная. Только на диване не кроши, я его пылесосила утром.

Она сунула тарелку девушке прямо в руки и захлопнула дверь. Кристина осталась стоять посреди чужой, тесной, полутемной комнаты с остывшими котлетами в ладонях. В эту секунду она вдруг с пугающей, ледяной отчетливостью поняла, что обратного билета в Саратов у неё нет.

Глава 8. Ужин.

К вечернему ужину Елена Викторовна переоделась в застиранное ситцевое платье с выцветшими розами, но выражение её лица ничуть не смягчилось.

Стол был накрыт на тесной кухне: вчерашние щи в эмалированной кастрюле, слипшиеся макароны и те самые холодные котлеты, разогретые на сковороде. Сергей и младшие — шестнадцатилетняя Даша и двенадцатилетний Пашка — уже сидели за столом, весело перешучиваясь насчет школьных оценок. Макс сел с краю, сразу наложив себе полную тарелку и даже не предложив поухаживать за гостьей. Кристина робко примостилась на жесткой табуретке у самой двери, стараясь втянуть плечи, чтобы никому не мешать, и чувствуя себя лишней, неуместной деталью чужого интерьера.

— Вилку слева кладут, — сухо бросила Елена Викторовна, даже не поднимая глаз от своей тарелки. — И хлеб бери аккуратно над тарелкой, потом крошки со стола сама смети, у меня спина болит наклоняться.

Кристина молча, стараясь не звякнуть приборами, переложила вилку. Пальцы слегка дрожали. Даша под столом ободряюще толкнула её коленкой и незаметно подмигнула, а Сергей поспешно, почти суетливо перевел тему:

— Ну, Кристина, рассказывай, как доехала? В плацкарте, небось, намучилась двое суток? Сейчас поезда хоть и с кондиционерами, а всё равно спина затекает.

— Нормально, спасибо большое, — Кристина благодарно улыбнулась ему. — Немного душно было ночью, а так хорошо доехала.

— Ну, рассказывай дальше, — вклинилась свекровь, медленно поднимая тяжелый, цепкий взгляд. — Кто у тебя родители? Кем работают? И где сама работаешь?

— Мама, — тихо, но предупреждающе протянул Макс, не отрываясь от щей.

— Что «мама»? — мгновенно вскинулась Елена Викторовна, меняя ледяной тон на обиженно-заботливый. — Она в моем доме жить собралась, за моим столом сидит — я как хозяйка имею полное право знать, что за девочка с моим сыном связалась. Небось, студентка какая-нибудь без гроша, которая на шею сесть хочет.

— Я учусь на третьем курсе экономического факультета, на бюджете, — тихо, но стараясь держаться достойно, ответила Кристина, глядя в свою тарелку. — У меня была повышенная стипендия, я выиграла грант... сейчас взяла академический отпуск.

— Академ, — презрительно фыркнула свекровь, с грохотом положив алюминиевую ложку на клеенку. — Бросила учебу ради гулянок и красивой жизни. Я так и знала. Максим, я тебя предупреждала еще позавчера. Ты сейчас на неё всю свою зарплату спустишь, оденешь-обуешь, а она через месяц хвостом вильнет и обратно к маме в деревню сбежит.

— Саратов — вообще-то большой город на Волге, а не деревня, мам, — хмыкнул Пашка, жуя хлеб, но тут же осекся под тяжелым, испепеляющим взглядом матери.

— Никуда я не сбегу, — Кристина подняла глаза, пытаясь нащупать в себе хоть каплю той смелости, которая была у неё в московском клубе или в поезде. — Я люблю Макса. И я обязательно найду работу. Я не боюсь труда и умею работать.

— Работать она умеет, — ядовито передразнила Елена Викторовна, и в её голосе зазвучала неприкрытая, застарелая злость. — А борщ настоящий сварить умеешь? А шторы подшить? А пуговицу мужику пришить? Или только в телефоне сидеть и картинки красивые в

интернет выкладывать? Посмотри на себя — худая, бледная, как поганка. Чем ты моего сына кормить собралась, своими таблицами?

Кристина почувствовала, как к щекам и шее приливает горячая, злая краска унижения.

— Лена, прекрати немедленно, — негромко, но твердо вмешался Сергей, откладывая вилку. — Девочка только с дороги, двое суток в поезде тряслась, устала. Успеет ещё и борщ сварить, и работу найти. Дай человеку спокойно поужинать.

— Мама, хватит! — Макс резко ударил кулаком по столу так, что зазвенели стаканы и расплескался чай. — Закрыли тему. Кристина останется здесь, это мое решение.

Елена Викторовна поджала губы так сильно, что они превратились в белую нитку. Она молча встала, демонстративно сложила руки на груди и вышла из кухни, тяжело, надрывно вздохнув на пороге так, словно её только что смертельно оскорбили в собственном доме.

За столом повисла вязкая, неловкая тишина. Даша виновато пожала плечами, Пашка уткнулся носом в тарелку, а Сергей тяжело вздохнул и принялся молча доедать остывший ужин.

Макс раздраженно потер переносицу.

— Прости, — глухо сказал он, накрывая холодную ладонь Кристины своей. — Она... она просто привыкла всё вокруг контролировать. Никого ко мне не подпускает, считает, что я до сих пор маленький.

Кристина молча кивнула. Она смотрела на их сцепленные пальцы. В поезде он обещал, что всё будет легко, весело и свободно. Сейчас его хватка была жесткой, почти болезненной, костяшки побелели.

— Я просто дико устал, — прошептал Макс, глядя мимо неё в стену. — На работе аврал перед сдачей объекта, дома этот вечный цирк... не обращай внимания. Я в душ. Не сиди тут долго, ложись, я быстро.

Он вышел. Вскоре тихо разошлись по своим комнатам и Сергей с детьми. Кристина осталась на тесной кухне совсем одна.

Она посмотрела на свою тарелку с нетронутыми остывшими котлетами. Есть не хотелось совершенно — кусок встал бы поперек горла. Она тихо встала, подошла к окну и отодвинула край занавески. Снаружи в желтом свете фонарей лил тот самый холодный питерский дождь, смывая грязь с серого асфальта.

В кармане джинсов коротко завибрировал телефон. Сообщение от мамы: «Доченька, доехала? Как встретили? Напиши хоть пару слов, я места себе не нахожу».

Кристина смотрела на эти простые, родные строчки, и ей вдруг до безумия захотелось разрыдаться прямо здесь, сидя на ледяном линолеуме чужой кухни. Но она заставила себя глубоко выдохнуть, смахнуть предательскую влагу с ресниц и быстро напечатала:

«Всё хорошо, мам. Семья отличная, приняли тепло, накормили. Просто очень устала с дороги, ложусь спать. Люблю».

Она заблокировала экран, молча выкинула нетронутые котлеты в мусорное ведро под раковиной, тщательно, до последней крошки смахнула со стола в ладонь, как велела Елена Викторовна, и ушла в маленькую комнату.

Макс пришел через полчаса. Лег рядом на узкий раскладной диван, горячий и влажный после душа, и сразу крепко обнял её сзади, прижимая к себе спиной.

— Спи, — прошептал он в затылок. — Я рядом.

Кристина закрыла глаза. Рядом, за тонкой картонной стенкой, в большой спальне тяжело ворочалась и демонстративно вздыхала Елена Викторовна. А в тяжелой руке Макса, обнимавшей её талию, Кристина вдруг почувствовала не защиту и нежность, а тяжелый, невидимый металлический замок, который защелкнулся с тихим, почти неслышным щелчком.

Она провалилась в беспокойный, тяжелый сон с одной мыслью: «Это только первая ночь».

Глава 9. Первые сутки.

Утро в чужой питерской квартире началось не с привычного мелодичного будильника на телефоне, а с глухого, раздражающе-методичного стука тяжелого кухонного ножа о деревянную разделочную доску за тонкой стеной.

Кристина открыла глаза и первые несколько секунд растерянно смотрела в незнакомый потолок, пытаясь понять, где она находится и почему за окном нет привычного саратовского солнца. Тусклый, серый ноябрьский свет с трудом пробивался сквозь запыленное стекло узкого окна, упирающегося в глухую бетонную стену соседней многоэтажки.

Рядом на узком раскладном диване было пусто и холодно — простыня на половине Макса давно остыла. Он ушел на работу, даже не разбудив её и не поцеловав на прощание. На краю старой тумбочки сиротливо лежал желтый бумажный стикер с торопливой, небрежной надписью: «Уехал пораньше, утреннее совещание с заказчиком. Вечером созвонимся».

Кристина тихо вздохнула, чувствуя, как в груди разливается неприятный, сосущий холодок. Накинула свою теплую флисовую толстовку, на ощупь нашла в полумраке тапочки, умылась в тесной ванной — старая газовая колонка зашипела и загудела так громко, что она испуганно отшатнулась и едва не обожгла руки кипятком — и осторожно вышла в длинный коридор.

В квартире было тихо: Сергей, судя по всему, давно ушел на смену, Даша и двенадцатилетний Пашка убежали в школу. На кухне хозяйничала только Елена Викторовна. Она стояла спиной к двери у старой газовой плиты в том же выцветшем фланелевом халате в клетку, методично помешивая овсяную кашу в эмалированной кастрюле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.